

The background of the cover is a light gray surface. A dark gray diagonal line runs from the top left corner towards the center. In the bottom right corner, there is a rectangular area containing a black and white checkered pattern, resembling a chessboard.

Такт

Терентий Залепукин

Терентий Залепукин

Такт

«Автор»

2026

Залепукин Т.

Такт / Т. Залепукин — «Автор», 2026

Инженер Эрик Вейн получает в подарок швейцарский хронометр — идеально точный, но идущий с опозданием ровно на восемьсот миллисекунд. Он ещё не знает, что эта задержка — не брак часового механизма, а зазор, в который на десятилетия вперёд вписана вся его жизнь. Максималистская проза на стыке параноидального триллера и философской притчи о детерминизме — для тех, кто ценит плотный, многослойный текст и не боится, что развязка не даст простых ответов.

© Залепукин Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Протокол «Дельта»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Терентий Залепукин

Такт

Глава I. Протокол «Дельта»

Соль, ввевшаяся в жёлтые армированные рёбра бетона В-313, пахла вовсе не морем, как уверял буклетик ВМФ Шведского Королевства за пятьдесят девятый год. От стен разило перегретым трансформаторным маслом, дешёвым румынским табаком «Карпати» и тем специфическим мускусным душком, который выделяют надпочечники трёх с лишним десятков мужчин, запертых в замкнутом объёме и ждущих, когда же наконец в их коллективное бессознательное ударит молния высокого напряжения. Остров Хёкарн — если верить геодезическим картам, составленным полупьяным полковником Фон Эссеном ещё в эпоху Крымской кампании и с тех пор лишь трижды переписанным от руки на жирную пергаментную бумагу в картографическом депозитарии в Карлскруне — представлял собой не более чем каменный прыщ на суровом сифилитическом лике Балтики. Он промёрз до самого своего докембрийского основания линзой сланца, порфира и полуистлевших костей сельдевых королей. — Наблюдательный зазор, Эрик, дражайший ты мой кантовский сиротка, — гудел из темноты кабельного коллектора раскатистый баритон доктора Виктора Калина, и в темноте ритмично, по-черепаши, щёлкали переключатели на панели фазовращателя «Роде и Шварц» выпуска 1974 года. — Это не философская категория, не умозрительный костыль для калек из Гёттингена и уж точно не твой личный, слезой умытый повод для вечерней мастурбации над фотографиями пятилетней давности. Это восемьсот миллисекунд чистого, концентрированного, девственного мяса. Восемь десятых секунды! Пока твой так называемый «разум» — эта убогая, надстроенная над спинным мозгом ветхая голубятня с запрототолированными иллюзиями — ещё даже не догадывается, что затылочная доля уже отдала приказ согнуть фалангу указательного пальца на крючке. Восемьсот миллисекунд! За это время свет успевает пробежать двести сорок тысяч километров, фотон пересекает два с половиной раза расстояния до Луны, а ты всё ещё стоишь с открытым ртом, свято уверенный, будто это ты решил заказать себе на обед фрикадельки с брусничным джемом! Эрик Вейн стоял по колено в ржавой эмульсии, образовавшейся от смешения вытекшего из водяного охлаждения диэлектрика и многолетних осадков, просочившихся сквозь щели в монолите. На его правом запястье — под рукавом штормовки из промасленного канваса — тяжёлый, снабжённый антимагнитным экраном из пермаллоя хронограф «IWC B-Uhr», доставшийся ему от дяди, служившего бортинженером на гидросамолётах «Арадо», издавал сухое, лихорадочное «тик-так-тик-так», абсолютно синхронное с колебаниями ртутного столбика в барометре за стёклышком. Вокруг кипела жизнь, какая обычно кипит в трюмах обречённых на затопление канонерок: двое штурмовиков из дивизиона «Кайман-4», наряженные в прорезиненные комбинезоны, пахнущие свежей вулканизацией и скипидаром, судорожно вбивали бронзовые клинья под массивный кожух предусилителя «Такт-4М», пока третий, рядовой с нелепой фамилией Шварцкопф и фингалом под левым глазом — ссадину он получил после стычки с береговой охраной у причала в Грейфсвальде, всё строго по инструкции, — неумело напевал под нос старый берлинский шлягер: Ах, малютка Лотта, где твой волновод? Нынче в Бундестаге празднует народ! Фокусник с тарелкой, физик с микроскопом, Мы летим в могилу строевым притопом... — Закрой пасть, Шварцкопф, — отрезал Вейн, не поворачивая головы. Его пальцы, измазанные техническим вазелином в перемешку с графитовой пылью, крутили кремальеру осциллографа. На зелёном, мерцающем фосфором экране вычерчивалась неровная, пульсирующая синусоида, похожая на кардиограмму умирающего под колёсами дизельного локомотива кабана. — Маркус, что

с несущей? Из динамика внутренней связи — засиженного мухами, растрескавшегося карболитового раструба, извлечённого из недр разобранного крейсера «Принц Ойген» — вырвался кашель, густой и маслянистый, словно производимый лёгкими человека, с девятнадцати лет питавшегося исключительно крепким табаком и сухими бульонными кубиками. — Несущая гуляет на тридцати герцах, Эрик, — ответил голос Маркуса, старого радиооператора, чей затылок был обезображен тремя глубокими параллельными шрамами от осколков шрапнели. — На острове шторм в семь баллов. Внешняя антенна на вышке «Норд» накренилась градусов на двенадцать. Если ты сейчас задействуешь петлю обратного импульса через каскад генератора, твои собственные гиппокампы превратятся в хорошо прожаренный омлет с грибами. Ты слышишь меня, Вейн? Твои нейроны сгорят раньше, чем ты успеешь сказать «Иммануил Кант»! — Они уже сгорели, Маркус, — тихо сказал Вейн, поднося к глазам тяжёлый монокуляр с визирной сеткой, наведённый на входную гермодверь шлюза 2. — Они сгорели ровно пять лет и четыре месяца назад в лаборатории под Килем, когда доктор Калин посчитал, что трёхсот киловольт на аноде вполне достаточно для преодоления синаптического барьера у добровольцев из второй роты морской пехоты. Сколько у нас времени до того, как они спустятся по вентиляционному стволу? — У «них», — подал голос доктор Калин, выныривая из-за стойки с двухкиловаттными генераторами, держа в руках штангенциркуль и полупустую бутылку датского аквавита «Ольборг», — нет никакого «до того». Ты всё ещё мыслишь категориями Ньютонова абсолютного времени, Эрик, как какой-нибудь провинциальный часовщик из Шварцвальда, пытающийся рассчитать траекторию кукушки из настенных часов! Для штурмовой группы полковника Бреннера — а это именно они, я узнаю этот топот их подкованных сапог по стальным лестничным маршам за триста метров — ты уже мёртв. Ты мёртв в трёх из четырёх просчитанных матрицей вариантов. Вопрос лишь в том, какой из вариантов твой собственный моторный центр выберет через восемь десятых секунды, когда ты нажмёшь вот этот тумблер с красной накаткой. Вейн посмотрел на тумблер. Тот был выточен из эбонита, пожелтевшего от времени и человеческого пота, и окружён четырьмя винтами с крестообразными шлицами, залитыми красным сургучом. Надпись на латунной табличке гласила: «ОБРАТНЫЙ ИМПУЛЬС. ВНИМАНИЕ: ВКЛЮЧАТЬ ТОЛЬКО ПРИ ПОЛНОЙ ФАЗОВОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ НЕЙРОННОГО БУФЕРА». Внезапно воздух в бункере изменился. Это не был звук в привычном смысле — скорее, резкое, почти физическое смещение атмосферного давления, от которого у всех присутствующих одновременно заложило уши и заныли запломбированные амальгамой зубы. Вейн почувствовал, как во рту расплывается тошнотворный вкус меднолитого пятака. За костями черепа, в районе зрительного перекреста, проскочила ослепительно белая, разветвлённая ветка молнии, за которой последовал рвущийся, трескучий звук — словно кто-то раздирал рулон сурового полотна прямо у него над ухом. — Пошла задержка, — прошептал Шварцкопф, оседая на корточки и судорожно хватаясь за насадок своего автомата МР-40, на котором висел самодельный глушитель из батона чёрствого хлеба и изоленды. — Мать Божья, я вижу свой собственный затылок... — Смирись, Шварцкопф! — хохотнул Калин, отхлебывая из бутылки и вытирая губы тыльной стороной ладони. — Твой затылок всегда был единственной частью твоей анатомии, заслуживающей хоть какого-то внимания! Эрик Вейн не слушал их. Он смотрел на массивную стальную дверь шлюза 2. На её поверхности, покрытой тремя слоями шаровой суриковой краски, медленно — со скоростью, с какой растекается по холодному мрамору стуженное молоко — начали проступать серые, дымчатые силуэты. Их было четверо. Они не входили — они уже вошли во внутренний просчёт системы «Такт». Первым шёл человек в штурмовом шлеме с забралом из пулестойкого поликарбоната, сжимавший в руках укороченный винтовочный обрез; на его голове горела оранжевая цифра «0.8». За ним следовал второй, с подсумками, набитыми пластиковыми гранатами М-67, и на его лбу плавала точно такая же фосфоресцирующая цифра. Вейн почувствовал, как рука с тяжёлым «Вальтером» дёрнулась сама. Движение было не его. Застрав в стерильной пустоте

наблюдательного зазора, сознание с ужасом надеялось остановить мышцы: плечо уже натягивалось, сухожилия звенели, словно струны «Бехштейна», а палец давил на спуск... Рука стреляла до того, как он успел решить, выстрелит ли. «Я не хочу стрелять», — подумал Вейн. Затворный блок «Вальтера» уже отошёл назад, выбросив раскалённую гильзу. В воздухе зависла чёткая, идеально сформированная капля сторевавшего порохового дыма, похожая на крошечного чёрного ежа. «Я ещё не принял решения», — повторил он во внутренней тишине, где тиканье хронографа «IWC» превратилось в оглушительные удары кувалдой по пустому цинковому ведру. — Ты никогда его не принимаешь, Эрик, — раздался совсем рядом — ближе, чем кожа его собственного лица — голос Евы. Он не поворачивал головы, потому что знал: если он повернёт голову, пространственная сетка локального поля сорвёт автоподстройку и превратится в белесый шум, какой бывает на экранах дешёвых телевизоров «Телефункен», когда в соседской квартире включают электрическую кофемолку. Ева сидела на узком цинковом ящике из-под 20-миллиметровых снарядов «Эрликон». На ней был тот самый серый вязаный свитер с распутившимся воротником, который она носила зимой шестьдесят девятого в Киле, когда они ночами жгли в печке-буржуйке старые журналы по кибернетике и пили растворимый кофе, выменянный у американских матросов на сигареты «Lucky Strike». — Ты опоздал, — сказала Ева. Её губы не двигались, но звук её голоса сфокусировался точно в центре его левого слухового прохода, вызывая приятное, щекочущее ощущение, будто по барабанной перепонке проводят пушистым пером. — Ты всё равно опоздаешь, Эрик. Даже когда твоя пуля пробьёт затылок вот этому парню в шлеме, твой мозг всё ещё будет думать, что ты стоял у окна в гостиной и выбирал, какой галстук надеть на похороны. — Ева, — выдохнул он через сжатые зубы, ощущая, как пороховые газы от первого выстрела начинают обжигать слизистую оболочку его носоглотки. — Ева, тебя здесь нет. Это буфер. Это просто отпечаток в кольцевом регистре памяти на магнитных сердечниках... — А где «здесь», Эрик? — спросила она и улыбнулась. В её улыбке проглянуло то самое знакомое, слегка надменное выражение, с каким она когда-то указывала ему на ошибки в расчётах волновых матриц Шрёдингера для нестационарных состояний. — Внутри этого бетонного гроба? Внутри твоей головы? Или в том полусекундном интервале, который доктор Калин украл у Бога, пока тот отвернулся, чтобы чихнуть? Вейн попытался опустить руку с пистолетом. Это было простое, элементарное физическое усилие — такое же, какое делает человек, чтобы смахнуть муху с колена или поднять с пола упавшую чайную ложку. Но его собственная нейромоторная система отказалась повиноваться. Моторная кора уже отправила следующий каскад электрических потенциалов — тридцать милливольт через шейный отдел спинного мозга, далее по лучевому нерву прямо к мышцам-сгибателям. Затвор «Вальтера» снова пошёл назад. Вторая гильза, медленно кувыркаясь в плотном, похожем на кисель воздухе наблюдательного зазора, вылетела из экстрактора. На её донце отчётливо проступала гравировка: «44 — dnh». — Маркус! — закричал Вейн, но из его горла вырвалось лишь низкое, булькающее шипение, похожее на звук, с которым выпускает пар бракованный паровой котёл на пивоварне в Пльзене. — Маркус, отключи генератор! Сними напряжение с анода! Из карболитового динамика пробился сквозь треск статики голос радиооператора, но теперь он звучал растянуто, с глухим гудением, будто Маркус говорил со дна двухсотметровой нефтяной скважины: — Э-э-э-р-и-и-и-к... Я... н-е... м-о-г-у... Т-в-о-й... м-о-з-г... у-ж-е... за-п-у-с-т-и-л... с-л-е-д-у-ю-щ-и-й... п-р-о-с-ч-ё-т... Вейн перевёл взгляд на доктора Калина. Старый профессор стоял у стены, сложив руки на животе и с интересом наблюдая за тем, как в воздухе между штурмовиком и Вейном медленно прорастают тончайшие, похожие на паутину, серебристые нити. Это были траектории вероятностных путей. Каждая нить ветвилась на сотни мелких капилляров, упиравшихся в бетонные стены, в стойки аппаратуры, в глаза присутствующих, в прошлые и будущие события. — Обрати внимание на этот прекрасный фрактал, Эрик! — искренне восхищался Калин, указывая штангенциркулем на один из серебристых снопов, вырывающихся из дула пистолета. — Смотри, как пуля 2 сомневается! На

трёхсотой миллисекунде она отклоняется на три минуты дуги вправо из-за того, что в шестьдесят третьем году штукатур на заводе в Магдебурге недолил цемента в смесь, и плотность этой панели на два процента ниже нормы! Системный детерминизм во всей своей несказанной красоте! Нет никакой свободной воли, мой мальчик! Есть только баллистика, нейрохимия и хреновая работа восточногерманских строителей! — Но я ощущаю вину, — сказал Вейн. Его голос был странно сухим и отчётливым в этом растянутом времени. — Если всё предрешиено за восемьсот миллисекунд... за пять лет... за вечность до нас... почему я всё ещё чувствую, как Ева тонет в холодной воде Кильской бухты? — О! — Калин поднял штангенциркуль вверх, словно дирижёр, готовящийся дать знак вступлению литавр в финале Девятой симфонии Бетховена. — Вина — это всего лишь эхо. Это шум в линии, возникающий оттого, что твой убогий наблюдательный центр пытаются заставить читать протокол, который уже подшит в архив и сдан в макулатуру! Ты не виноват, Эрик. Ты просто... наблюдатель, которому забыли выключить билетный кассовый аппарат после окончания сеанса! Вейн заставил себя посмотреть на Еву. Она стояла уже совсем рядом — в полушаге от него. В её глазах, обычно серых и прозрачных, как балтийская вода в ноябре, отражался фосфорный зелёный свет осциллографа. Она протянула руку и коснулась его запястья — точно в том месте, где под пермалловым экраном билась пружина хронографа. — Ты помнишь тот ресторанчик в Любеке? — тихо спросила она. — Где мы ели марципан и ждали катер на Травемюнде? — Помню, — ответил Вейн. — Ты тогда потратил последние три марки на механическую мышь для хозяйского кота. Помнишь, как она бегала по кругу, пока у неё не лопнула пружина? — Помню. — Так вот, Эрик... — Ева наклонилась к его уху, и её дыхание пахло не морем и не смертью, а сухими лавровыми листьями и аптечной настойкой валерианы. — Ты — эта мышь. И твоя пружина лопнула ровно мгновение назад. С этими словами она дёрнула его за рукав. Пространство бункера В-313 схлопнулось с коротким, резким щелчком. Зелёный луч осциллографа подпрыгнул до верхнего края экрана и рассыпался на тысячи мелких, хаотично мерцающих точек. Вейн почувствовал, как его физическое тело — тяжёлое, неуклюжее, наполненное костями и полупереваренной тушёнкой — снова обрело массу и инерцию. Первый штурмовик в поликарбонатном шлеме внезапно пошатнулся, не успев даже шагнуть через порог шлюза. В его забрале появилась аккуратная, круглая дырочка с ровными, слегка подплавленными краями. Назад, на серый бетон коридора, выплеснулся густой, тёмный султан, состоящий из фрагментов кости, мозгового вещества и осколков пластика. Вейн стоял с дымящимся «Вальтером» в вытянутой руке. На его хронометре секундная стрелка совершила всего один короткий, нервный скачок вперёд. — Чёрт... — прохрипел Шварцкопф, судорожно вжимаясь в угол между генератором и стеной. — Вы... вы убили его до того, как он поднял винтовку! — Заткнись, Шварцкопф, — произнёс Вейн, чувствуя, как по его виску стекает струйка липкого, холодного пота. — Я ничего не делал. Это сделал мой мозг. А я... я просто присутствовал, как обычный зритель в третьем ряду. — Великолепно! — закричал доктор Калин из своего угла, заходясь в надрывном, лающем кашле и размахивая бутылкой аквавита. — Первый акт нашей маленькой пьесы окончен! Драматический герой осознал свою полную, абсолютную, низжайшую ничтожность перед лицом импульса в восемь десятых секунды! Давайте аплодировать, господа! Давайте аплодировать биологической машине! — Калин, — Вейн повернул к нему ствол пистолета, но его рука снова задрожала — не от страха, а оттого, что нейронный буфер системы «Такт» начал заполняться очередным порционным массивом упреждающих данных. — Где главный контур? Где стержни с отпечатками Кильской группы? Калин посмотрел на него с искренним, почти материнским состраданием, какое обычно испытывают опытные энтомологи, наблюдая за попытками полураздавленного муравья уволочь обратно в муравейник засохшую крыльевую жилку майского жука. — Главный контур? — мягко переспросил профессор. — Он у тебя в голове, Эрик. И он уже начал следующий цикл. Ты слышишь этот звук? Вейн прислушался. Из глубоких, тёмных глубин бункера, сквозь толщу сорока метров монолитного бетона и бал-

тийского сланца, доносился низкий, нарастающий гул. Это работал не дизель-генератор. Это не была вентиляция. Это был звук сотен тысяч магнитных сердечников, переключающих свои состояния с нуля на единицу и обратно. Звук, с каким пересыпается сухой, прокалившийся на солнце песок в огромных песчаных часах, поставленных кем-то невидимым на самый край вечности.— Это вторая волна, — прошептал Маркус из динамика. Его голос теперь был полон истинного, глубокого ужаса человека, прослужившего тридцать лет на флоте и наконец понявшего, что под килем его корабля нет ничего, кроме трёх километров абсолютной, не имеющей дна темноты. — Эрик... Они идут с нижнего уровня. И их там... их там сотни.— Кто «они»? — спросил Вейн, ощущая, как его пальцы помимо его воли начинают перезаряжать магазин «Вальтера».— Мы сами, Эрик, — ответил доктор Калин, усаживаясь прямо на замасленный бетон и прислоняясь затылком к гудящему трансформатору. — Мы сами во всех тех вариантах, которые мы успели подумать, но так и не решились совершить. Приятного просмотра, мои дорогие друзья. Сеанс продолжается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.